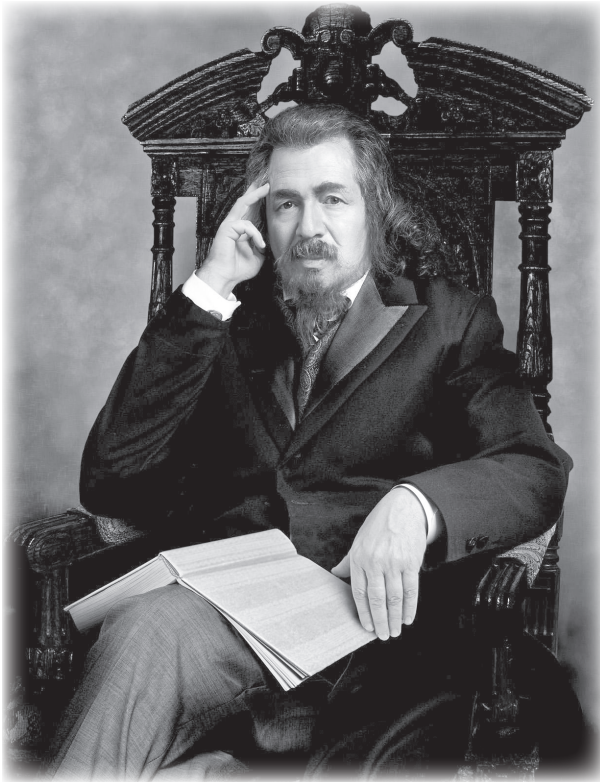

В 1870–1890 гг. (первый раз — в 1874 г.) во Втором Парголово снимал дачу **Д. Н. Мамин-Сибиряк**, «поселивший» в нём некоторых из героев своих романов «Черты из жизни Пепко» и «Падающие звёзды» и нарисовавший выразительный образ этого дачного селения. В основе содержания автобиографического романа «Черты из жизни Пепко», созданного в 1894 г., лежало описание жизни молодого Мамина в Петербурге, а в судьбе главного героя — Василия Ивановича Попова, нашли отражение многие особенности личной жизни писателя. «Пепко — это двойник, alter ego Василия Ивановича Попова, тоже приехавший в Петербург с мечтой о его завоевании, и он тоже Попов, только Агафон Павлович. Хотя образ Пепко также не лишён автобиографических черт, но за ним писатель закрепляет, главным образом, те стороны характера, которые подлежат изживанию. В жизни Пепко Василий Иванович видит много поучительного для себя. Пепко для него пример «от противного»: как не следует жить. В Пепко он видит самого себя, не сумевшего обуздать свои слабости, безвольно отдавшего стихийному течению жизни...»

В.С. Соловьёв. Портрет работы И.Н. Крамского, 1885 г.

Владимир Сергеевич Соловьёв (1852–1900) – религиозный мыслитель, литературный критик, поэт

В описываемое Маминим-Сибиряком время курьёзный житейский случай произошёл в Парголово с религиозным мыслителем, поэтом и публицистом Владимиром Сергеевичем Соловьёвым. О нём вспоминала Вера Александровна Пыпина (1864–1930, в замужестве Ляцкая) — художница, дочь профессора Петербургского университета, академика, историка литературы. «В 1886 году Владимир Сергеевич Соловьёв стал печатать в «Вестнике Европы» свои статьи и стихотворения, а к 1889–1890 гг. относится начало его сближения с постоянными сотрудниками этого журнала. Тогда-то в редакции «Вестника Европы» познакомился с ним и мой отец, Александр Николаевич Пыпин. Скоро между ними сложились дружественные отношения».

По словам Веры Александровны, иногда В. С. Соловьёв поражал совершенно неожиданными странностями: «Приехала я, помню, летом в редакционный день с отцом в город. Жду его на квартире. Щёлкнул замок. Я в переднюю навстречу. С ним входит Соловьёв. Поздоровались.

— Как вам нравится мой костюм? — спрашивает он меня. Смотрю — пиджак поношенный, но совсем крепкий.

— Ничего, — говорю, — костюм недурён.

— Не правда ли? А сколько я заплатил? Угадайте. Этот вопрос был уже сложнее.

«Ну, — думаю, — верно, недорого».

— Рублей шестнадцать, — говорю.

Владимир Соловьёв принялся хохотать: — два рубля!

— Да что вы?

— Уверю вас. Я купил его в Парголово у та-

Люди искусства в Парголово

Продолжение публикации материала из книги Е.Л. Александровой

тарина. Друзья всё приставали: купи да купи костюм. Встретился на прогулке татарин. «Есть костюм?» — «Есть». — «Впору будет?» — «Как раз, — уверяет, — словно на заказ». И действительно...

«Наверное, с покойника или краденый», — мелькнуло у меня в голове...

О дачном Парголово конца XIX в. вспоминала выпускница Бестужевских курсов и страстная любительница русского прошлого Елизавета Лозинская (1884–1971). Она родилась в семье адвоката, присяжного поверенного Леонида Яковлевича Лозинского. В русской культуре прославились её младшие братья — поэт и переводчик Михаил (1886–1955) и филолог, критик, переводчик и издатель Григорий (1889–1942) «Первые годы нашей жизни мы летом переезжали на дачу либо на Сиверскую по Варшавской железной дороге, либо в Парголово по Финляндской, — вспоминала впоследствии Елизавета Леонидовна. — Сиверская была дальше, было около часу езды, а Парголово — под самим Петербургом. Я отлично помню последнюю дачу в Парголово (так называемое Второе Парголово, их было три), где мы провели три лета. Она принадлежала американке, госпоже Хуттон, и почему-то в комнате, где устроили детскую для мальчиков, висел портрет королевы Виктории. Когда мы приехали (это свершалось в наёмной карете, за близостью расстояния, а вещи шли на возу), то ещё ничего не успели разместить, нас стали укладывать и сказали Грише: «Помолись Боженьке». Гриша долго искал ещё не повешенный образ и, не найдя его, посмотрел на портрет королевы Виктории и спросил: «А где же Боженька, эта толстая?»... Одно лето родители уезжали в Крым и на Кавказ, и мы жили с бабушкой и няней, обе были трусихи. По ночам няня высывалась из окон и кричала: «Наша барыня хорошо умеет стрелять», — хотя грабители не существовали. Дворник иногда колотил в трещотку» Упоминает Е. Л. Миллер-Лозинская доктора Острогорского, жившего летом в Парголово.

В начале XX в., когда получили популярность книги о похождениях заграничных сыщиков, упоминание Парголово встречается и в первых русских детективных романах, в частности о приключениях **Ивана Дмитриевича Путилина** (1830–1893), который являлся не литературным персонажем, а реально существовавшим человеком, занимавшим в 1866–1889 гг. должность начальника сыскной полиции Петербурга (он вышел в отставку в чине тайн. сов., что соответствовало в Табеле о рангах званию генерал-лейтенанта и требовало обращения «ваше превосходительство»). В 1889 г. увидели свет его воспоминания «Сорок лет среди грабителей и убийц» (ещё при жизни сыщика выходили детективы из цикла «Гений русского сыска И. Д. Путилин», подписанные псевдонимом **Роман Добрый**, под которым скрывался писатель **Роман Лукич Антропов**), одна из глав которых называлась «“Черты” Парголовского шоссе» (произошла эта история в 1858 г.): «С наступлением тёплой поры многие преступные элементы, как тараканы, расползались в разные стороны, кто куда, преимущественно же в окрестности столы, где, хотя и пошаливали, но на кровавые преступления решались довольно редко. Пользуясь этим, я частенько навещал мою семью, проводившую лето на даче в Третьем Парголово. Наслаждаться прелестями дачной жизни приходилось, однако, недолго». Однажды на Путилина, возвращавшегося ночью в город, близ Парголово напала шайка злодеев — только чудом он остался жив. Для поимки разбойников сыщик организовал целую операцию. Сначала двенадцать полицейских, переодетых в гражданскую одежду, вышли в ночной обход. «Предписано

было осмотреть в Лесном, в Первом, Втором и Третьем Парголово все постоянные дворы, харчевни и разные притоны, подвергнув аресту бродяг и вообще всех подозрительных с виду людей». Однако разбойники пропали. «На другое же утро я командировал во Второе и Третье Парголово трёх смыслёных полицейских чинов, поручив им разведать у местных крестьян о всех подозрительных лицах, замеченных в этом районе. На всякий случай я сообщил, в общих чертах, приметы ограбивших меня разбойников, не дав, конечно, понять, что жертвой их нападения был я сам. Прошло ещё четыре дня, но все предпринятые мной розыски не имели успеха. Разбойники как в воду канули». Однако осенью они снова проявили себя, напав на «финляндскую уроженку» Марию Рубан. Ловить разбойников Путилин решил «на живца», в роли которого выступил сам. «Дня через три я распорядился, чтобы к вечеру была готова обыкновенная, запряжённая в одну лошадь телега, такая, в какой чухонцы возят в город молоко. Телега должна была быть также с очень скрипучими колёсами. В неё положили два пустых бочонка из-под молока, несколько рогож и связку верёвок. Для экспедиции я выбрал состоявшего при мне храброго унтер-офицера Смирнова и отличавшегося необыкновенной силой городского Курленко. Идея сработала в первую же ночь. Злоумышленников взяли с поличным...»

На рубеже XIX–XX столетий более двух десятилетий на горе между II и III Парголовом, напротив часовни, в двухэтажном деревянном доме, принадлежавшем Степану Пелёвину, затем его сыну Алексею (II Парголово, 89, на участке между совр. домами 4 по ул. Некрасова и 5 по ул. Ломоносова), снимал дачу литератор **А. М. Скабичевский** (1838–1911), у которого бывали писатели Г. И. Успенский (1843–1902), В. Г. Короленко (1853–1921), Н. Г. Гарин-Михайловский (1852–1906) и другие. В это же время парголовские места продолжают пользоваться популярностью и у художников. В 1880-х гг. (в 1882 г. на даче Вильсона во Втором Парголово и в 1884 г. в доме барона Соловьёва в Старожиловке) жили упоминавшиеся выше **И. Ф. Тюменев**, зарисовывавший многие парголовские дачи. Коллекция И. Ф. Тюменева содержит около 35 тысяч вырезок иллюстраций из печатных изданий историко-этнографической тематики, хранящиеся в Российском этнографическом музее и Отделе эстампов РНБ. Часто гостил у него художник **П. А. Черкасов**. Они много гуляли по окрестностям Старожиловки и даже ездили в Вартемяки — первую станцию от Третьего Парголово по Кексгольмскому тракту. Часто бывал в Парголово и **И. А. Пелёвин**, ученик неоднократно упоминавшегося парголовских жителей М.Н. и С. М. Воробьёвых, написавший в 1910 г. портрет своей внучатой племянницы (?) Ольги Пелёвиной, бережно сохраняемый, как и пейзаж Н. Клевера, её внучкой.

С 1890-х гг. **А. И. Куинджи**, приезжая в Петербург из Крыма (в 1888 г. он купил там у пос. Кикинеиз участок земли), и гостил у своего соотечественника грека **Н. Магори** (Магорина) в III Парголово, на его даче «Чудесный уголок». Его ученик пейзажист **А. М. Прокофьев** гостил

А.М. Прокофьев. Окраина Шуваловского парка